

Диалектная лексика обычного права якутов

А. Л. Жансай

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, 677027, Якутск, Россия. E-mail: aman287@mail.ru*

Статья посвящена исследованию лексики обычного права в различных говорах якутского языка. Несмотря на обширный ареал распространения якутского языка, охватывающий территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, язык отличается своей монолитностью и отсутствием существенных диалектных различий. Диалектологи выделяют лишь говоры с некоторыми лексическими и грамматическими особенностями. В этой связи диалектная лексика обычного права не отличается разнообразием. Данное явление связано с архаизацией и выходом из употребления рассматриваемой категории лексики, обусловленными включением якутского общества в поле российского законодательства. Взамен собственной терминологии появились термины, заимствованные из русского языка. Еще одной причиной деактуализации называют развитие массовой письменности и переход на общелитературные нормы языка. Наибольшее количество диалектной лексики отмечается в терминологии родства и свойства, продолжающей активно функционировать. Кроме того, отдельные примеры присутствуют в таких отраслях обычного права, как уголовное право, имущественные отношения, социальное и административное устройство. В том числе присутствуют термины, семантика и этимология которых не ясна для современных носителей якутского языка. Выявленная лексика в рамках исследования распределена по группам говоров и семантическим категориям в соответствии с отраслями обычного права якутов. В статье предпринята попытка этимологического разбора, приведены параллели из тюркских и монгольских языков. Значительное количество слов являются заимствованиями из русского языка. Рассмотренные лексические единицы образованы в результате семантического сдвига, фонетической адаптации русизмов. В области уголовного права многие лексемы представлены эвфемизмами, возникшими в целях выражения табуированных понятий.

Ключевые слова: якутский язык, обычное право, лексика, диалект, говоры.

Dialectal Vocabulary of Yakut Customary Law

A. L. Zhansai

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian
Academy of Sciences*

1 Petrovsky St., 677027, Yakutsk, Russia. E-mail: aman287@mail.ru

The article concentrates on the study of the lexicon of customary law in different subdialects of the Yakut language. Despite the vast area of Yakut language distribution, the language is characterized by its monolithic character and lack of significant dialectal differences. Dialectologists distinguish only the subdialects with some lexical and grammatical peculiarities. In this regard, the considered category of vocabulary is not characterized by great diversity. This phenomenon is connected with the archaization and withdrawal from use of the lexicon of customary law due to the inclusion of Yakut society in the field of Russian legislation. The terms borrowed from the Russian language appeared to replace native terminology. Another reason is the development of mass writing and the transition to common literary norms of the language. The largest amount of dialectal vocabulary is noted in the terminology of kinship and property, which continues to function actively. In addition, individual examples are present in such branches of customary law as criminal law, property relations, social and administrative structure. The identified vocabulary is categorized into groups of colloquialisms and semantic categories in accordance with the branches of Yakut customary law. The article attempts to analyze the etymological analysis. A significant number of words are borrowings from the Russian language. The considered lexical units are formed as a result of semantic shift, phonetic adaptation of Russisms. In the field of criminal law, many lexemes are represented by euphemisms that emerged in order to express taboo concepts.

Key words: Yakut language, customary law, vocabulary, dialect, subdialects.

Обычное право формируется в течение длительного времени в сообществах, объединенных по этническому, религиозному, социальному и др. признакам. В основу норм обычного права заложены правила поведения и традиции, обязательные для всех членов таких объединений. Исследователь обычного права якутов А. А. Борисов выделяет три основные функции норм обычного права: 1) регулирование взаимных связей между человеком и обществом; 2) установление через культурные традиции и обычаи диалога между социумом и природой; 3) создание неписанного кодекса поведенческих норм [Борисов 2002: 37]. Система обычного права якутов регулировала правоотношения, связанные с землепользованием, обменом, дарением, долговыми обязательствами, наймом. Кроме того, из брачных правоотношений проистекали нормы, регулирующие имущественные и наследственные отношения.

В якутском языке нормы обычного права обозначались как *куолу*, *үгэс*, чаще в сочетании *сахэ куолута*, *сахэ үгэнэ*, обозначая юрисдикцию, распространявшуюся на представителей якутского народа. Понятие *куолу* в якутском языке полисеманлично: 'предписание, инструкция, повеление; право, позволение; способ, средство, обыкновение, обычай; обряд, установление, постановление, правило, закон, порядок, сообразность', при этом большая часть значений подверглась архаизации, в том числе в интересующем нас значении 'право, обычай, закон' [Пекарский 1958: 1225]. Когнаты слова *куолу* с похожей семантикой обнаруживаются и в других монгольских и тюркских языках: письменномонгольское *ᠬᠠᠭᠠᠯᠢ* [qauli] 'закон', монгольское *хууль*, бурятское *хуули* 'закон, власть', калмыцкое *хууль* 'старинный обычай' [Санжеев 2018: 41], казахское *қаулы* 'постановление', киргизское *коолу* 'решение, постановление'. Этимологию *үгэс* 'навык, привычка, обыкновение, обычай' Э. К. Пекарский возводит к монгольскому *ᠦᠭᠦᠭᠡ* [üge] 'слово' [Пекарский 1959: 3103].

Обычное право, как и другие отрасли права, оперировало собственной лексикой, которую можно отнести к терминам. Утверждается, что обычное право каждого народа тесно связано с его социальной организацией, общественными отношениями и, конечно, языком, т. к. в языке народа находит отражение вся его история, культура и менталитет [Хисамитдинова, Мухтаров 2021: 3].

Реконструкция терминологии якутского обычного права возможна на основании этнографических, исторических, фольклорных материалов. В настоящее время специальные исследования, охватывающие лексику всех отраслей обычного права якутов, отсутствуют. Отдельные исследования были посвящены терминам родства и свойства (А. А. Бурыкин, Е. П. Федорова), основной объем данного пласта лексики относится к активной части современного якутского языка.

Несмотря на довольно монолитный характер и отсутствие значительных диалектных различий, в якутском языке присутствуют говоры с присущими им лексическими и грамматическими особенностями. Якутский диалектолог С. А. Иванов, основываясь на исследованиях М. С. Воронкина, выделяет следующие группы говоров: 1) центральная; 2) олекмо-вилуйская; 3) северо-западная; 4) северо-восточная [Иванов 2010: 39, 41, 42, 44]. Образование говоров обусловлено прежде всего взаимодействием с другими языками на разных исторических этапах развития якутского языка, а также географическими и административными факторами, затруднявшими контакты между жителями разных округов, улусов, наслегов. Помимо этого, ощутимые диалектные различия наблюдаются в языке якутов, проживающих за пределами Якутии и в силу этого попавших под влияние иноязычного большинства.

По-другому сложилась ситуация с лексикой обычного права, так как расширению ареала обитания якутов предшествовало их вхождение в состав российского государства и, соответственно, сокращение регулятивных функций норм обычного права. Рассматриваемый пласт лексики в основной своей массе подвергся архаизации, взамен в употребление входили термины, заимствованные из русского языка. Наибольшее диалектное разнообразие наблюдается лишь в терминологии родства и свойства, которая, как уже отмечалось, сохранила функциональность ввиду своей специфики. Архаизации лексики обычного права также способствовали распространение грамотности и переход на общий литературный язык. П. А. Слепцов объясняет это явление следующим образом: «Когда рождаются массовая письменность, литература, начинается стихийная тяга всех пишущих к общезыковой норме, что прежде всего предполагает отбор наиболее точных и общих средств выражения» [Слепцов 1986: 115]. П. П. Барашков также видит в развитии массовой письменности причину исчезновения диалектных различий [Барашков 1985: 38]. То есть переход на общелитературный стандарт воспринимается как массовое и естественное явление, наблюдаемое во всех языках мира, обладающих официальным статусом. Например, Л. Блумфилд отмечает, что на смену территориальным диалектам приходят современные литературные языки, имеющие распространение внутри границ целой нации и которые с течением времени становятся все более и более единообразными [Блумфилд 1999: 530].

Материал для данного исследования обнаружен в двух диалектологических словарях якутского языка, содержащих в себе не только диалектные слова, но и диалектные значения общелитературных слов. Методом сплошной выборки из словарей отобрано более шестидесяти лексем, передающих понятия обычного права якутов. Из них подавляющее большинство относится к терминологии родства и свойства. Обнаруженная лексика равномерно распределена по всем описанным выше группам говоров. В разрезе групп говоров и говоров предстает следующая картина: олекмо-вилуйская группа (бодайбинский (бод.), верхневилуйский (в.-вил.), вилуйский (вил.), олекминский (олекм.), сунтарский (сунт.)); северо-восточная (верхоянский (в.-янск.), индигирский (инд.), среднеколымский (кол.)); северо-западная (булунский (бул.), долганский (долг.), есеевский (есс.), оленекский (олен.)); центральная (амгинский (амг.), мегино-кангаласский (м.-канг.), усть-майский (у.-м.)). Кроме того, в состав диалектной лексики включены отдельные слова из Словаря якутского языка Э. К. Пекарского (Пек.), не имеющие маркировки по говорам. Объясняя это, диалектологи отмечают то обстоятельство, что «словарь был создан во время отсутствия якутского литературного языка и составлен исключительно на материале, собранном в различных местах

обширной Якутской области, частично и за ее пределами» [Иванов 2017: 17]. В связи с этим видится, что основным критерием отнесения к диалектной лексике стало их отсутствие в современном литературном языке.

Помимо этого, особенностью диалектологических словарей стало отнесение долганского языка к диалектам якутского языка. В якутском языкознании имеет место дискуссия относительно самостоятельного статуса языка долган. Исследователь языка долган Е. И. Убрятова в своих первых исследованиях (1940 г.) определяет его как диалект якутского языка [Убрятова 2011: 115]. В последствии (1966 г.) она указывает, что «длительное изолированное развитие привело к тому, что он <долганский язык> давно оторвался от общей системы якутского языка и перестал быть его диалектом» [Убрятова 2011: 140]. М. С. Воронкин выражал несогласие с последним утверждением, по его мнению, «современное состояние языка долган (принимая во внимание его структурный, социологический и исторический аспекты) позволяет считать его не самостоятельным языком, а диалектом якутского языка» [Воронкин 1999: 165]. Следуя этой позиции, М. С. Воронкин как составитель обоих диалектологических словарей включает в число диалектной лексики некоторые лексемы из долганского языка.

В настоящей статье рассматриваются около двадцати терминов, относящихся к различным отраслям обычного права якутов.

Лексика уголовного права.

Большинство лексем этой категории относятся к эвфемизмам, возникшим в результате субституции табуированных понятий. В свою очередь табуированию подвергались слова с негативной семантикой, использование которых считалось нежелательным по религиозным, этическим, социальным и другим причинам. По мнению А. А. Скрябиной, эвфемистические выражения в якутском языке обусловлены главным образом менталитетом, традициями, обычаями народа [Скрябина 2017: 67]. В якутской культуре наиболее избегаемым явлением представляется смерть и другие близкие с ней понятия. Таким образом, замена связанных с преступлениями понятий эвфемизмами является закономерным процессом в якутском языке.

В последующих примерах в скобках указываются значение в литературном языке, говор, к которому относится слово, и буквальный перевод.

1) *Идэлээх киһи* ('вор', бод., букв. «человек с дурной привычкой»). Первое значение слова *идэ* – 'основной род занятий, трудовой деятельности человека; профессия', другое значение – 'порок, дурная привычка', от него образовано прилагательное *идэлээх* – 'имеющий дурную привычку' [Большой толковый словарь якутского языка 2006: 559-561]. В данном случае диалектизм передает негативное отношение к воровству и краже, считающимся непристойным занятием.

2) *Кымаайылаах* ('вор', у.-м., букв. «ворующий по мелочи») – производное от *кымаайы*, что, свою очередь, имеет в основе глагол *кыл* 'выкрасть, стянуть какую-л. мелочь, которую можно схватить одним движением' [Большой толковый словарь якутского языка 2008: 285]. *Һойбот* ('красть', бул., олен.) зафиксировано в форме *сойбот* и в значении 'украсть, утащить' в Большом толковом словаре якутского языка без пометы о принадлежности к диалектной лексике, к нему приведены примеры из художественных произведений: *Соботох да соммун сойботон бардахтарына үөрүмээри олоробун* (букв. «не обрадуюсь, если украдут мое единственное пальто») [Большой толковый словарь якутского языка 2011: 499].

3) Глаголы *кујалаа* и *сайылаа* ('убить', в.-вил., вил.) образованы в качестве эвфемизма для замены табуированного понятия, являются синонимами и обладают первоначальной семантикой 'прибирать, приводить в порядок, собирать в кучу, освобождать место' [Большой толковый словарь якутского языка 2007: 437; 2011: 157]. Рассматриваемые глаголы образованы приемами эвфемистической субституции по аналогии с действиями, совершаемыми при захоронении человеческих останков.

Лексика имущественных отношений.

1) *Буобул* ('запрещение', Пек.). Э. К. Пекарский в качестве иллюстрации приводит выражение *буобул от* с переводом на русский язык 'сено, на которое наложено запрещение' [Пекарский 1958: 551]. Запрещение или, иначе говоря, арест накладывался до разрешения спора относительно принадлежности какого-либо имущества. Чаще всего тяжбы возникали по поводу прав на сенокосные угодья и на заготовленное сено. Так, например, по нормам обычного права якутов половина сена, выкошенного на чужом участке, отбиралась в пользу владельца участка [Павлинов 1929: 13]. В настоящее время данный термин обычного права перешел в современную юридическую терминологию, можем обнаружить его в Русско-якутском, якутско-русском словаре терминов, понятий уголовного права и процесса в значении 'арест (имущества)' [Русско-якутский, якутско-русский словарь терминов, понятий уголовного права и процесса 2023: 187]. Этимология, вероятнее всего, восходит к монгольскому *boyu-* (*халх.*, *бур.*, *калм.* боо-, *мнгр.* бб-) 'обвёртывать, упаковать, завязывать; окружать, преграждать', а также близкому к нему *boyol* (*халх.* боол, *бур.* боол, *калм.* боһл) 'раб невольник' [Этимологический словарь монгольских языков 2015: 94]. И в якутском, и в монгольских языках семантика слов демонстрирует наличие ограничений и запретов.

2) *Өртүбүөй* ('финансы, средства', вил.), ('возмещение, компенсация', *сунт.*). Слово заимствовано из русского языка и является фонетической адаптацией лексемы *рутевой*, обозначающей карточный выигрыш. В основе – устаревший карточный термин *руте* 'счастливое положение в карточной игре, при котором выигрывает несколько раз подряд одна и та же карта; счастливая карта' [Большой академический словарь русского языка 2021: 118]. Таким образом, слово, обозначавшее только карточный выигрыш, в результате семантического расширения стало использоваться для передачи родового понятия в отдельном говоре якутского языка. Семантика слова в сунтарском говоре существенно дистанцирована от семантики самого русского термина и от его интерпретации в вилуйском говоре, в этой связи можем предположить ее вторичность по отношению к последнему.

3) Термины *суопсунас* ('собственность', амг., м.-канг., олекм.) и *нарпылаат* ('зарплата', долг.) являются фонетически адаптированными заимствованиями из русского языка и не претерпели семантического переосмысления. Использование заимствований взамен собственно якутских эквивалентов было довольно распространенным явлением в дореволюционный период, что было вызвано престижностью в глазах у улусного населения русского языка как языка горожан и чиновников. А. Е. Кулаковский, описывая такое явление, отмечал следующее: «Еще удивительнее то, что они <якуты> перенимали наречия, без которых могли бы прекрасно обойтись, и такие слова, которые на своем языке существуют» [Кулаковский 1979: 320].

4) *Урутунаан аҕал* ('дать в долг', в.-вил., вил.) можно дословно перевести как 'дать заранее' или 'принести заранее'. Предполагаем, что изначально речь шла о каком-либо товарообмене, когда передача предметов обмена происходила не одновременно и какое-то время одна сторона оставалась в долгу у другой стороны, исполнившей свои обязательства ранее.

Лексика социально-административного устройства.

1) Согласно С. А. Иванову лексема *абыратыы* ('безоленный бедняк', есс.), образована от глагола *абырат-*, мотивированного глаголом *абыраа-* 'спасать, избавлять, выручать, помогать' и соответствующего письменномонгольского *abura-* 'спасать, избавлять; выручать'; возникла в результате метафорического переноса значения имени действия на объект действия [Иванов 2017: 98]. Как поясняли сами жители озера Ессей: «...при исходе съестных запасов голодавшие «спасались» тем, что брали в долг у богатых, оттуда и пошло такое название» [Воронкин, Емельянов 1959: 3].

2) Слово *буу* ('вконец обедневший', кол.) в северо-восточных говорах якутского языка использовалось в значении 'исхудалый, слабый, болезненный' [Диалектологический словарь якутского языка 1976: 73]. Речь могла идти как о людях, так и о животных. В дальнейшем в результате метафорического переноса в среднеколымском говоре слово стало использоваться как показатель социального статуса и приобрело значение 'захудалый, вконец обедневший'. Авторы диалектологического словаря якутского языка возводят этимологию к эвенкийским *бу-мй* 'умереть' и *бунй* 'смерть, покойник' [Диалектологический словарь якутского языка 1976: 73]. Вместе с тем, с учетом географического фактора преобладание диалектных эвенкизмов отмечается в северо-западных говорах, а в северо-восточных – эвенских лексем [Иванов 2017: 45]. Поэтому в первую очередь здесь следует принять во внимание эвенские *бу-* 'умереть' и *бунй* 'покойник, мертвец' [Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков 1975: 98]. Также Е. И. Коркина связывает это слово с халха-монгольским *муу* 'плохой, бедный, жалкий' [Коркина 1992: 79]. Но с учетом того, что в письменномонгольском языке слово имело форму *тауи*, его родство с якутским *буу* маловероятно.

3) В литературном якутском языке *хаамаайы* ('нищий, кумалан', м.-канг.) имеет значение 'человек, ведущий бродячий образ жизни, безработный, бродяга' [Большой толковый словарь якутского языка 2016: 94], что семантически близко к одному из диалектных значений этого слова – *кумалаан* 'человек, находящийся на общественном иждивении' [Большой толковый словарь якутского языка 2007: 474]. Происходит от глагола *хаамп* 'двигаться, идти, ходить, переступая ногами' [Большой толковый словарь якутского языка 2016: 94], что напрямую связано с образом жизни кумаланов, искавших себе пропитание переходя от дома к дому.

4) Устаревшее слово *каҕан* ('глава, предводитель, родоначальник', инд.). С. А. Иванов определяет слово как глубокий архаизм, имеющий эквивалент только в древнетюркских, древнемонгольских и некоторых современных языках [Иванов 2017: 20]. Действительно, в древнетюркском языке *қаған* – 'каган, верховный правитель, главный хан' [Древнетюркский словарь 1969: 405]. Присутствие данного архаизма в одном из периферийных говоров свидетельствует о некогда активном его употреблении в якутском языке.

5) Слово *мунньах* ('группа домов, небольшой населенный пункт', бул.) активно применяется в литературном языке в значении 'собрание, совещание, заседание'. В диалектном значении согласуется с семантикой исходного глагола *мус* 'собирать, кого-что-л. в одном месте; складывать в кучу, грудой' [Большой толковый словарь якутского языка 2009: 366].

6) Термин *нэһилиэк* ('фамилия', есс.) произошел от литературного 'наслег – сельское поселение, волость' в результате семантического сдвига. М. С. Воронкин отмечал, что «<в жителях Ессея> возможно наблюдаем выходцев из распространенных в Центральной Якутии родов, которые проживают скученно, добравшись до дальней окраины» [Воронкин 2002: 9]. Это подтверждается тем, что фамилии проживающих в Эвенкии ессейских якутов (Ботулу, Эспек, Маймага, Чорду, Уодай, Осогостох) совпадают с названиями наслегов и родов Центральной Якутии и Вилюя. То есть ессейские якуты в качестве фамилий стали использовать названия наслегов и родов, выходцами из которых они являются.

7) Лексема *суруллара* ('фамилия', долг., кол., букв. «написанное») возникла по причине наличия у якутов нескольких имен одновременно. Так, якут имел *сахалы аат* 'якутское имя', *хос аат* 'прозвище', *таптаал аат* 'ласковое имя', которые были в повседневном употреблении, а также *нууччалы аат* 'русское имя', *суруллар аат* 'написанное имя', *сүрэхтэммит аат* 'крещеное имя', по которым человек значился в документах [Николаев 2020: 21, 27].

Таким образом, термины обычного права не получили развития в диалектной лексике якутского языка, но и не являются редкостью. Вместе с тем рассмотренная лексическая группа ранее специально не изучалась, отсутствуют четко определенные критерии их отбора. Данная статья является первой попыткой исследования диалектных терминов обычного права якутов, в этой связи не исключаем, что перечень будет расширяться. Дальнейшее изучение позволит выявить и осмыслить расхождения в нормах обычного права, применявшихся в различных территориальных группах населения.

Литература

- Барашков П. П. Фонетические особенности говоров якутского языка: сравнительно-исторический очерк. Якутск, 1985.
- Блумфилд Л. Язык. Благовещенск, 1999.
- Большой академический словарь русского языка. Т. 24. М.; Санкт-Петербург, 2021.
- Большой толковый словарь якутского языка. Т.III. Новосибирск, 2006.
- Большой толковый словарь якутского языка. Т.IV. Новосибирск, 2007.
- Большой толковый словарь якутского языка. Т.V. Новосибирск, 2008.
- Большой толковый словарь якутского языка. Т.VI. Новосибирск, 2009.
- Большой толковый словарь якутского языка. Т.VIII. Новосибирск, 2011.
- Большой толковый словарь якутского языка Т.XIII. Новосибирск, 2016.
- Борисов А. А. Изучение обычного права в якутской историографии / Сибирская заимка. – 2002. – № 3. – С. 37-41.
- Воронкин М. С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск, 1999.
- Воронкин М. С. Дьэниэй сахалара (ыстатыйа) / Дьэниэй сахаларын фольклора. Дьокуускай, 2002. – С. 5-27.
- Воронкин М. С., Емельянов Н. В. Дьэниэй сахалара / Кыым. – 1959. – № 136. – С. 3.
- Диалектологический атлас якутского языка: (свод. карты). Ч. II: Морфология и лексика / составитель С. А. Иванов. Новосибирск, 2010.
- Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том / составители: М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск, 1995.
- Диалектологический словарь якутского языка / составители: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М., 1976.
- Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л., 1969.
- Иванов С. А. Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск, 2017.
- Иванов С. А. Образование диалектной системы якутского языка. Новосибирск, 2021.
- Коркина Е. И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск, 1992.
- Кулаковский А. Е. Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (Кроме собственных имен и названий) / Научные труды. Якутск, 1979. С. 316-377.
- Николаев Е. Р. Личные имена саха в лингвокультурологическом аспекте. Новосибирск, 2020.
- Павлинов Д. М. Об имущественном праве якутов / Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929. С. 1-46.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. I. М., 1958.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т.III. М., 1959.
- Русско-якутский, якутско-русский словарь терминов, понятий уголовного права и процесса. Якутск, 2023.
- Скрябина А. А. Эвфемизмы о болезни и смерти в якутском языке / Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 9. – С. 67-73. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32274519_87067391.PDF
- Слепцов П. А. Якутский литературный язык: истоки, становление норм. Новосибирск, 1986.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I. Л., 1975.
- Убрятова Е. И. О языке долган / Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. Новосибирск, 2011. – С. 115-140.
- Хисамитдинова Ф. Г., Мухтаров Н. Г. Башкирско-русский словарь лексики обычного права. Уфа, 2021.
- Этимологический словарь монгольских языков. Т. I: А–Е / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М., 2015.
- Этимологический словарь монгольских языков. Т. III: Q–Z / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М., 2018.

References

- Ancient Turkic Dictionary (1969). V. M. Nadeliev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (Ed.). Leningrad (in Russian).
- Barashkov, P. P. (1985). Phonetic peculiarities of the Yakut subdialects: comparative-historical essay. Yakutsk (in Russian).
- Bloomfield, L. (1999). Language. Blagoveshchensk (in Russian).
- Borisov, A. A. (2002). The study of customary law in Yakut historiography. Sibirskaya Zaimka, 3, 37-41 (in Russian).
- Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages. Materials to the Etymological Dictionary. Vol. 1. (1975). Leningrad (in Russian).
- Dialectological atlas of the Yakut language: (summary maps). Part II: Morphology and lexicon (2010). S.A. Ivanov (Comp.). Novosibirsk (in Russian, Yakut).
- Dialectological dictionary of the Sakha language: additional volume (1995). M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Y. I. Vasiliev. (Comp.). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Dialectological dictionary of the Yakut language (1976). P. S. Afanasyev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev (Comp.). Moscow (in Russian, Yakut).
- Etymological Dictionary of Mongolian Languages. Vol. 1: A-E. G. D. Sanzheev (Ed.). Moscow (in Russian).
- Etymological Dictionary of Mongolian Languages. Vol. 3: Q-Z. G. D. Sanzheev (Ed.). Moscow (in Russian).
- Ivanov, S. A. (2017). Lexical peculiarities of Yakut language colloquialisms. Novosibirsk (in Russian).

- Ivanov, S. A. (2021). Formation of the dialect system of the Yakut language. Novosibirsk (in Russian).
- Khisamitdinova, F. G., Mukhtarov, N. G. (2021). Bashkir-Russian dictionary of lexicon of customary law. Ufa (in Russian, Bashkir).
- Korkina, E. I. (1992). Northeast dialectal zone of the Yakut language. Novosibirsk (in Russian).
- Kulakovskiy, A. E. (1979). Russian words adopted and assimilated by Yakuts (Except for proper names and titles). Pp. 316-377. Scientific Works. Yakutsk (in Russian).
- Large Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 24. (2021). Moscow, St. Petersburg (in Russian).
- Large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 3. (2006). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 4. (2007). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 5. (2008). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 6. (2009). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 8. (2011). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 13. (2016). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Nikolaev, E. R. (2020). Sakha personal names in linguocultural aspect. Novosibirsk (in Russian).
- Pavlinov, D. M. (1929). About property right of Yakuts. Pp. 1-46. Materials on customary law and social life of Yakuts. Leningrad (in Russian).
- Pekarskiy, E. K. (1958). Dictionary of the Yakut language. Vol. 1. Moscow (in Russian, Yakut).
- Pekarskiy, E. K. (1959). Dictionary of the Yakut language. Vol. 3. Moscow (in Russian, Yakut).
- Russian-Yakut, Yakut-Russian dictionary of terms, concepts of criminal law and process. (2023). Yakutsk (in Russian, Yakut).
- Skryabina, A. A. (2017). Euphemisms about illness and death in the Yakut language. Bulletin of Chelyabinsk State University. 9, 67-73. Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32274519_87067391.PDF (in Russian).
- Sleptsov, P. A. (1986). Yakut literary language: origins, formation of norms. Novosibirsk (in Russian).
- Ubryatova, E. I. (2011). About the Dolgan language. Pp. 115-140. Selected works. Studies on Turkic languages. Novosibirsk (in Russian).
- Voronkin, M. S. (1999). The dialect system of the Sakha language: Formation, interaction with the literary language and characterization. Novosibirsk (in Russian).
- Voronkin, M. S. (2002). The Yakuts of Yessey (article). Pp. 5-27. Folklore of the Yakuts of Yessey. Yakutsk (in Yakut).
- Voronkin, M. S., Emelianov, N. V. (1959). The Yakuts of Yessey. Kyym, 136, 3 (in Yakut).

Citation:

Жансай А. Л. Диалектная лексика обычного права якутов // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 10-15.

Zhansai A. L. (2025) Dialectal Vocabulary of Yakut Customary Law. Legal Linguistics, 36, 10-15.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
